

Автор:

Мазурова Елена Александровна

педагог дополнительного образования (туризм и гитарная песня)

Муниципального бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования детей Дома детского и юношеского туризма и экскурсий

г.Канска (Красноярский край)

Отрывок из воспоминаний деда, Кирьянова Василия Васильевича, в прошлом известного журналиста газеты Красноярский рабочий (г.Красноярск, 1941-1967гг.), умер в 1998 году, мемуары были расшифрованы и переработаны Мазуровой Е.А.

ОПАСЕН ГРОХОТ В КУЗНИЦАХ ВОЙНЫ

Угроза человечеству серьезна...

Но люди падать духом не должны:

Предотвратить беду

Еще не поздно...

Я бегу в редакцию. Редактор уже там. Вскоре подошли все ведущие сотрудники. Наконец, заработал телеграф. Поступило указание о выпуске внеочередного номера газеты – в понедельник. Мы расходимся по райкомам партий, военкоматам, предприятиям. Бессменная труженица стенографистка Зинаида Троицкая уже в будке на междугороднем телефоне. Я иду в военкомат. Там уже несколько парней принесли заявления с просьбой отправить на фронт. Я записываю фамилии, читаю их заявления, затем иду к военному командиру, беседую с ним... и тоже оставляю заявление об отправке на фронт.

В редакции уже звонят все телефоны. Троицкая, не отрываясь, принимает сообщения из районов. Часам к десяти вечера мы сдали все. Но еще ожидаются какие-то официальные материалы из Москвы. Часов в двенадцать расходимся. Остаются только дежурные. Газета вышла почти вовремя. Распродана была моментально. Чуть не растащили обязательные экземпляры для библиотеки и архива. От газеты словно пахнет порохом.

В ночь с понедельника на вторник дежурю я. Это у нас называется «свежая голова». Дежурный читает уже подписанные редактором полосы перед началом печатания. Вылавливаются последние «блошки» в тексте, в подписях под клише.

Часов в пять утра, когда я дочитывал последнюю полосу, ко мне в кабинет заходят две девочки.

-- Вы Кирьянов Василий Васильевич?

-- Да, я.

-- Вам повестка из военкомата. Мы были у Вас дома, но нам сказали, что Вы еще в редакции.

Принял повестку, расписался, потом дочитал последнюю полосу, подписал, отнес в цех (он рядом по коридору), попрощался с наборщиками, печатниками, привел в порядок бумаги в столе и поспешил домой.

Дома взрослые уже на ногах. Потихоньку посапывали в кровати только мои воробушки Вовик и Галочка.

Спать мне уже не хотелось. Умылся, побрился, позавтракали и отправился в редакцию. В бухгалтерии быстро получил расчет, обошел всех сотрудников редакции, попрощался, с некоторыми навсегда (В.П.Завьялов, Саша Ефремов, Миша Вабнер – погибли на фронте, а с ними я сошелся особенно близко, отличные ребята). Зашел к редактору. Невеселый короткий разговор. Адам Петрович выходит из-за стола, крепко обнимает меня и тихо говорит:

-- Желаю одного: вернуться с победой. О семье не беспокойся, поможем!

Затем с Дусей были в ближайших магазинах. Что-то приобрели ребятишкам, ей. Дома собрали в дорогу небольшой узелок с самым необходимым: полотенце, мыло, зубную щетку, бритву, конверты с бумагой для писем. Вечерние разговоры грустные, тяжелые. Дусе очень хотелось знать, когда же меня ждать домой, долго ли продлится война. Я не задумываясь, ответил:

-- Да уже месяцев шесть, не меньше, -- надо же такое сморозить! Мальчишка!..

У папы было другое мнение. Ведь речь-то идет не о поездке, пусть даже в самый дальний район, а о войне. А там всякое может случиться. Можно и вообще не вернуться. У меня в этот вечер такой вариант даже в голову не приходил. Наверное, по моей наивности.

В часов семь утра, позавтракав, я начал прощаться. Дуся и Маша, конечно, в слезы. У папы хотя и были влажными глаза, но он держался. Крепился и я. Мои воробушки тоже всплакнули. Видно поняли, что их папа уходит на долго.

В последнюю минуту у папы возникла мысль, почему бы им не проводить меня до военного городка? Он на какие-то минуты отлучился из дома. А вернувшись, объявил:

-- Все едем провожать.

Дуся и ребятишки словно этого и ждали. Все были уже одеты. Во дворе стояла запряженная лошадка, а трестовский кучер тащил в пролетку какую-то дерюжку.

Езды до военного городка с полчаса. И вот мы у контрольной проходной. Еще раз прощаемся, я предъявляю часовому повестку, он указывает, в какой корпус мне идти. Родные долго машут мне руками. Ребятишки что-то кричат.

На втором этаже кирпичного корпуса нахожу штаб только что сформировавшегося 392-го тяжелого артиллерийского полка, как указано в повестке.

Когда я сдавал повестку писарю штаба, на меня обратил внимание пожилой, но стройный капитан. Поинтересовался моей повесткой и военным билетом. Это был начальник штаба полка капитан Тимошик. Пригласил к себе в кабинет. Расспросил, где я работал, кем. Я коротко рассказал. Он предложил мне должность заведующего делами штаба полка.

-- Но ведь я ни одного дня в армии не служил и армейской службы совершенно не знаю. Поэтому и прошу использовать меня рядовым.

Он мне пытался объяснить, что ничего страшного и сложного нет. Но потом все же согласился.

У вас может возникнуть вопрос, как это так, бывший редактор молодежной республиканской газеты и на фронте оказался рядовым, когда простые учителя, инженеры, бригадиры назначались командирами взводов, партийными политруками? Вкратце расскажу.

Призывался я в 1930-ом году, по окончании техникума. Но у меня были зачатки туберкулеза. Однажды у меня в мокроте даже появилась кровь, чему Дуся страшно испугалась. Я состоял на учете в тубдиспансере, куда регулярно являлся. Это установила и приемная комиссия. И хотели уже списать подчистую. На мое счастье в это время в комиссии появился военком республики полковник Муратов, мой хороший знакомый. Мы с ним жили в одном особнячке на курорте в Аксеново. Вот к нему-то я и обратился.

-- Товарищ полковник, какой позор, мне хотят вручить белый билет!

Он улыбнулся, о чем-то переговорил с членами призывной комиссии и мне выдали военный билет с соответствующей статьей ВЧС, гласящей: «Ограничено годен к нестроевой службе в военное время». И вот, это военное время пришло, тем более, что я еще оставил заявление в военкомате.

29-го июня наш полк строем вышел на поляну за военный городок (там сейчас Советский район со стелой в центре), приняли воинскую присягу, прослушали напутствующие речи представителей от крайкома партии,

комсомола, от предприятий, а вечером на машинах отправились на военную площадку железнодорожной станции.

В ожидании поезда разместились в каком-то корпусе. Там меня разыскали Дуся с папой. Мы, устроившись на спуске к Енисею, просидели несколько часов. Стемнело, и нам объявили, что эшелон подадут только утром. Мы расстались. К часу нашей отправки Дуся с папой обещали подъехать.

Но эшелон наш подали намного раньше назначенного вечером часа. Основное время ушло на погрузку автомашин на платформы. Но и с этим справились довольно быстро. Для личного состава – товарные вагоны с нарами. И ни одного пассажирского. Часов в восемь утра наш поезд, набирая скорость, проскочил станцию Красноярск. Там на перроне уже стояла порядочная толпа людей. Нам что-то кричали, махали руками, бросали цветы. Но, забиваемые стуком колес, до нас доносились только отдельные слова. Среди провожавших на перроне были и папа с Дусей. Но я их в этой толпе не разглядел. А ведь вчерашний прощальный поцелуй отца был последним в моей жизни. Больше я его не видел.

Поезд шел «зеленой улицей», останавливаясь только на больших станциях для смены паровоза. Но почти на всех, даже небольших станциях, стояли толпы людей. Что-то доброе кричали нам, бросали букеты цветов. Только на второй день, под вечер, поезд остановился в степи. Послышалась команда начальника штаба Тимошика: «Вылезай! Строиться!».

Построились, с полчаса промаршировали, размяли ноги, спины и поехали дальше.

Под Москвой мы простояли часа два. Здесь встретили первый поезд с ранеными. Конечно, все наши повыскакивали из вагонов. Хотелось поскорее узнать, «что и как там».

Из санитарного поезда тоже вышло немало забинтованных. Из открытых окон вагонов доносились стоны. Подхожу к одному с подвязанной рукой и

забинтованной головой. Просит закурить. Даю и задаю стандартный вопрос: «Как там?»

-- Подъедите, увидите сами.

Едем дальше, за Москву. Направление знает только командование полка, но в вагонах уже не слышно песен, какие в полный голос еще раздавались до Москвы перед встречей с теми, кто уже побывал «там» и для которых фронтовая жизнь уже закончилась.

Очередная большая остановка – станция Ржев. Командир полка – майор Семашко, начальник штаба – капитан Тимошик почти на ходу спрыгивают на перрон и быстрыми шагами идут к вокзалу. Ждали мы их минут сорок.

Никаких внешних признаков близости фронта нет. Но какая-то настороженная тишина, на перроне ни одного постороннего человека. Вот появляются и командир полка и начальник штаба. И тут же раздается команда: «Разгружайсь! Немедленно!» Несколько откуда-то появившихся железнодорожников бегут к платформам, расцепляют их, чтобы снять машины. А начальник вокзала уже поторапливает наших командиров : «Поторапливайтесь! Могут налететь стервятники!»

Оказывается, какие-то фашисты уже бомбили одну из ближайших станций. Дорога повреждена. Разгружаемся быстро, почти без шума. Рассаживаемся по машинам и по еле заметной проселочной дорожке едем несколько километров до ближайшего леса. Здесь нам предстояло дожидаться остальные эшелоны полка с дивизионами, орудиями и машинами. Но там мы их не дождались. Те эшелоны не доехали даже до Ржева. Им было приказано выгружаться еще раньше. Был получен и второй приказ: штабу полка прибыть в распоряжение командующего 24-ой армии Калининского фронта, а третьему дивизиону поступить в распоряжение Резервного фронта.

Кажется, на второй или третий день мы сосредоточились вблизи города Белый. Командира полка в эти дни мы почти не видели. Он встречал

подходящие дивизионы, согласно приказа штаба армии, определял места на сосредоточении и огневые позиции, а мы, не доезжая до города, с первым помощником начальника штаба направились подбирать место для штаба полка. По еле заметному лесистому склону вышли на поляну, почти к самым огородам города. Белый действительно поражал свежестью белостенных домиков, утопающих в зелени садов. Тихий, мирный, какой-то особенно светлый.

Но любовались мы им недолго. До нас донесся нарастающий гул. Шла огромная армада фашистских бомбардировщиков. Насчитали мы их около тридцати. На подходе к городу они с воем снижались и сбрасывали свой смертоносный груз. Мы где стояли, там и рухнули на густую траву. Отбомбившись, они взмывали вверх и уходили на запад. А мы лежали, вжимаясь в траву, и только думали, как бы не повернули они в нашу сторону. Но большие пустые огороды, отделяющая нас от города, их, видимо, не интересовали. Наконец, последний самолет сбросил не бомбы, а тысячи листовок. Они долетели и до нас. В них фашисты предупреждали, что так будет со всеми городами, где их не встретят «хлебом-солью».

Так, на наших глазах этот тихий, уютный город был превращен в груды развалин. А мы впервые увидели фашистские бомбардировщики в работе.

*Бойцы поначалу ни песен не пели,
Ни громкого слова сказать не хотели –
Приливу могучего чувства в ответ.
На город с тоской молчаливой глядели.
На город, которого нет...*

В эти первые дни мы передислоцировались очень часто. С неделю простояли у знаменитой Савельевской переправы, прикрывая наши отходящие из-под Смоленска части, и, наконец, довольно капитально осели в районе большого

села Батурино. Наша штатная батарея с кухней располагалась в селе, а штаб в лесочке, за селом.

Здесь следует сказать, что наш 392-ой арtpолк, сокращенно он звался 392 КАП (Корпусной Артиллерийский полк РКК-резерва Главы Командования) формировался из приписников и запасников. Многие из них на учебных сборах и в кадровой изучали другие арторудия, а здесь у нас пушки-гаубицы 152мм. Мы такой системы в глаза не видели. Овладевали ими в те пять-шесть дней в Красноярске и за семь-восемь дней здесь на стоянках, по мере приближения к фронту. Вот почему наш командир полка майор Б.А.Семашко и метался по батареям. Уж он-то артиллерист опытный. В Испании командовал дивизионом и за бои в ней был удостоен высшей награды Родины – ордена Ленина. Единственный орденосец в полку. Прибыл из Москвы на третий день формирования и сутками пропадал в расчетах. Он и здесь, на фронте частенько обходил огневые позиции расчетов. Остальное время проводил на наблюдательном пункте. Оттуда руководил боем, принимал сигналы от представителей стрелковых полков, отдавал приказы дивизионам накрыть ту или иную точку, поддержать огнем тот или другой стрелковый полк. Раз-два в неделю приходил в свой штабной блиндаж, чтобы отоспаться. В одно из посещений подписал приказ: начальника штаба капитана Тимошика переместить в помощника начальника штаба, а начальником штаба полка назначил командира Второго дивизиона капитана Примоченко, могучего, громогласного украинца. Формулировка краткая: «Для пользы службы!»

И вот рассвет 2 октября 1941-го года. Просыпаемся от рвущихся рядом снарядов. Земля гудит, содрогается. С потолка сыплется земля. Выскакиваем из блиндажа. Над нами со свистом проносятся «мессера», поливая землю из пулеметов. Еле успели заскочить обратно в блиндаж. Он у нас с двумя накатами, да довольно толстый слой земли. Строили не поленились. За кустами, в соседней с нами части, кто-то громко кричал. Видимо, подцепило.

Вылезаем, присматриваемся. На передовой все смешалось. Разрывы бомб и снарядов, залпы наших пушек. Возможно, это тоже неопытность командования, что наши тяжелые пушки-гаубицы, бьющие на 15км, стоят чуть ли не в затылок стрелковым полкам.

Завтраком нас повар накормить не успел. Перед обедом кто-то, прибежавший из Батурино, сообщил, что кухня разбита. Так что и обеда ждать не приходится. А у нас ни у кого ни крошки.

Бой нарастает с большей силой. Где-то в стороне уже слышен скрежет танков.

Примерно в полдень командир полка по телефону приказывает все штабное имущество погрузить в автомашины и отправить в тыл полка. Мы забрасываем туда и свои вещмешки. Машина уходит. А нам приказано занять круговую оборону. Проверяем свои винтовки, подсчитываем патроны. Лежим в траве, зорко оглядываясь по сторонам.

Только тут я вспомнил, что в моем вещмешке лежит кулечек с НЗ, полученным еще в Красноярске. Расходовать Неприкосновенный Запас в обычной обстановке категорически запрещено. А ведь там банка консервов, сахар, несколько сухарей. Я ни разу в мешочек не заглядывал. Вот сейчас он бы пригодился!

Прибегает солдат с наблюдательного пункта командира дивизиона старшего лейтенанта Арсения Галушки. Солдат рассказывает, что почти все орудия дивизиона выведены из строя, расчеты перебиты.

-- На нас шел тяжелый немецкий танк. Галушка приказал нам по траншее проскочить. Я по траншее полз, пригибаясь, а по траве добрался до кустов. Оглянулся, выбежавших со мной не видно. Должно быть, еще в траншее уложили. А танк шел прямо на блиндаж. Залез и развернулся. Видимо, всех там раздавил...

Вскоре появились Семашко, Примоченко и другие, находившиеся с ними на наблюдательном пункте. Одновременно начали подходить оставшиеся в живых из дивизионов. От них мы узнали, что немцы прорвали нашу оборону, смяли пехоту, артиллерию и двинулись дальше по нашим тылам на восток. Только несколько «мессеров» еще периодически пролетали над нами. И при всем этом вблизи не было слышно ни одной нашей зенитки.

Мы еще лежали в круговой обороне, когда старшина батареи вручил нам по бутылке с горючей смесью. Это против танков. Собралось уже около сотни бойцов и командиров. В сторонке выстроилась колонна из пяти торшеров орудий с тракторами и потрепанными расчетами. Среди собравшихся немало пехотинцев из разбитых батальонов. Не знаю, где раздобыли, но мне и еще нескольким бойцам вручают по ленте с патронами. Я через плечо опоясываюсь ею. Вид настоящего партизана. Команда: «Строиться!». Командир полка с карабином на плече, объясняет, что мы окружены, не паниковать. Будем с боями пробиваться к своим. Дисциплина жесткая. Без команд никто и никуда.

Отделение разведки возглавляет мой земляк, землеустроитель лейтенант Елютин.

Разведка уходит вперед. Через несколько минут трогаемся и мы по одному в затылок. Но идем не на восток, а на запад по кустарнику, вдоль оврага, отделяющего нас от села Батурино. Уже темно. Батурино в огне. Горят дома. До нас доносятся крики женщин, плач детей, злые окрики немцев. Немцы обнаружили нас и сопровождают по противоположной стороне оврага, осыпая нашу колонку трассирующими пулями. Но, к счастью, пули летят через нас. Красивое зрелище, только если бы оно не несло смерть...

А у нас у кого в кармане, у кого в вещмешках бутылки с зажигательной смесью и с выставленными стержнями. У меня бутылка в правой руке. Где-то, видимо задев стержнем кустом, у меня в бутылке зашипело. Я, не раздумывая, кидаю ее подальше в кусты. Пробка вылетела, а бутылка как вьюнок

покрутилась, пошипела и затихла. Успокоился и я. А часа через два ходу, среди густых кустов позади меня человек через пять вдруг вспыхнуло пламя. И одновременно раздался дикий вопль. Кто-то быстро пробежал мимо спереди, затем короткий пистолетный выстрел и все стихло. Идем дальше. На короткой остановке я узнал, что у солдата в вещмешке ветлой вырвало пробку из бутылки, его всего обкатило этой смесью и он воспламенился. Вот его-то капитан Каранда и пристрелил. Ведь крик солдата мог погубить всю колонну. Немцы были рядом. Трактора с орудиями шли где-то за нами по проселочной дороге.

Разведка, выходявшая на юго-запад, доложила, что есть возможность сделать круг почти назад по большой избитой дороге и пробиться к своим. Семашко приказывает погрузить в машины раненых и во главе с Тимошиком двинуться с орудиями по этой дороге. Пока грузились раненые, орудия уже двинулись, но не прошло и получаса, как с той стороны, куда углубились орудийные расчеты, раздались оружейные выстрелы. Нам команда: «В ружье!» и мы галопом бежим туда. Одни по одну сторону дороги, другие по другую. Оказывается, колонна нарвалась на немецкую засаду. В расчетах есть убитые и раненые. Орудия с трудом разворачиваются на неширокой колеистой дороге. Задыхаясь, бежим. Кто-то кричит: «Кукушки! Глядите вверх!» и стреляет. Небольшого роста немец-кукушка с криком свалился на землю. А мы, стреляя, продвигались вперед. Каранда впереди, я за ним или рядом. Потом оглянулся. Сзади нас никого. Говорю капитану, что мы оторвались. Пошли назад. Перед тропинкой, которую мы пересекали при наступлении, сидели за деревьями два солдата. Они шепнули нам, чтобы мы не шумели. Оказывается, справа вдали стояла танкетка и простреливала тропу. Каранда скомандовал: «Ложись вдоль тропы! И по моей команде все кубарем на ту сторону!». Мы приготовились и по команде Каранды вмиг перекатились через тропу. Из танкетки заметили, дали очередь, но мы уже скрылись в кустах.

На рассвете, на опушке леса перед небольшой поляной, привал. Разведка ушла вперед. Через час-полтора вернулась и доложила, что кругом плотное кольцо немецких войск. Значит, с орудиями нам не пробиться. Окружающий нас лес густой, еле проходимый. Да еще огромное болото. А за болотом небольшая поляна, тоже окруженная лесом. Вот туда мы и решили пробиться и закопать орудия и машины. В двух машинах какого-то дивизиона оказались две пилы и топоры.

Валили деревья, сверху настилали хворост и часа через три просека к поляне была готова. Тракторами перетащили орудия, за ними уже легче – автомашины. Почти все по пояс мокрые. А там, на поляне, уже орудовала другая группа бойцов, рыли траншеи для орудий и машин. Прокопали и засветло загнали в траншеи тракторы, орудия и машины, густо застелили их валежником. По карте определили место, указали это место в приказе и со словами : «За приказ отвечаешь головой!» Семашко вручил его мне. Я уложил документ в планшетку.

Забыл указать, что в конце нашей колонны человек пять раненых ехали верхом на лошадях.

Дня через два-три ночью наш путь преградило небольшое озеро. Сворачивать некуда. Проверили: местами глубина по пояс, местами по грудь. Приказ: форсировать. Глубина действительно преодолимая, но дно вязкое. Тьма кромешная. Ширина метров сорок-пятьдесят. Кони особенно вязнут. Где-то в стороне слышно, как бьется лошадь. И приглушенный крик: «Братцы, тону!». Я так и не знаю, все ли тогда перешли. Вскоре к нам примкнули уже и пехотинцы и танкисты с разбитых танков и даже один летчик. Все голодные, уставшие. На остановках общипываем какую-то мелкую травку, едим.

А выйдя из болота, снимаем сапоги, выжимаем штаны, чистим куртки. Разводить костер, чтобы просушиться, нельзя. Спим. Просыпаюсь от невероятной тяжести. Рядом несколько человек и на нас лежат люди. Я еле

выбираюсь из-под тел. Кто-то тихо матерится. На очередной остановке разрешают забить пару оставшихся лошадей и развести костер. Все это делается тихо, почти молча. Мясо лошадей кромсают на мелкие куски и варят в нескольких ведрах. Мне достается горсть еле проваренного мяса. Несколько кусочков я съедаю сразу, остальное кладу в карман на завтра. Но в дороге вскоре обнаруживаю, что карман пустой. Все уничтожил, не вытерпел! Как-то пересекаем небольшую деревушку в десяток домов. Через улицу от дома к сараю женщина несет полное ведро намытой сваренной картошки свиньям. Кто-то впереди попросил пару картошек. Дала. Подходит моя очередь. На дне картошки уже чуть-чуть. Но и мне в каску женщина кладет три картошки. Конечно, неочищенная, но еще теплая. Я проглатываю их моментально.

На рассвете вышли на опушку леса. Впереди довольно большое село Железново. Остановились. Я, как и большинство, валюсь на землю. Силы на исходе. Земля уже промерзшая, но снегу еще нет. Я, кажется, в ту ночь на ходу заснул. Проснулся, поскользнувшись и ударившись о землю. Никогда и никому не поверил бы, что на ходу можно уснуть.

Но вот срочная команда Семашко: «Встать! Построиться! По два рассчитайся! Атакуем спящих немцев. Нечетные номера за мной, четные за Примоченко!». Бежим.

Оказывается, в деревне расположена какая-то часть. Во дворах, на улице стоят машины. Немцы еще спят. Кое-где дремлют часовые.

Я бегу за Примоченко. У меня кроме винтовки на поясе две противотанковые гранаты. Забыл рассказать, что у меня уже отбита правая рука. Дня за три до этого мы попали под бомбежку. Недалеко разорвалась бомба и мы с капитаном Протанцевым оказались засыпаны глиной. Я очнулся от удушья, начал выгребаться. Слышу голос Протанцева: «Ты жив?». Отвечаю: «Кажется, жив!» Но рука не действует. И на спине липко. Нашли медсестру Березину, она осмотрела. В шинели дырка. Но осколок, видимо уже потерявший силу, застрял

в коже. Медсестра что-то там сделала, залила йодом, ранку залепила и порядок. А рука повисла.

В Железнове мы подбежали к третьему с края большому дому. Со двора навстречу выбежала девочка лет двенадцати.

-- Дяденьки, в нашем доме спят немцы. Вчера приехали.

-- Много их? – спрашивает Примоченко.

-- Я насчитала шестнадцать

-- А где твои родичи?

-- А мы все живем во дворе, в землянке.

-- Кирьяныч, отцепляй гранату, кидай в окно!

А окна высоко и притом большинство звеньев уже заклеены картонками. Но я, не раздумывая, отцепляю гранату и левой рукой кидаю в окно. Сами бросаемся в кювет. Раздается оглушительный взрыв. До нас долетают только осколки стекол. Мы быстро соскакиваем и бежим к углу дома. Следим за просветом сорванной или распахнутой двери. Оттуда выскакивают в нижнем белье сразу три фрица. Примоченко из карабина укладывает их. А по селу почти одновременно началась стрельба.

Фрицы в ночном белье выскакивают из домов, а наши солдаты бьют их. Мы бежим вдоль улицы дальше. Примоченко еще подстрелил несколько фрицев, пытавшихся скрыться через ограды.

На окраине деревни у аккуратного домика с закрытыми ставнями стоит Семашко, в окружении каких-то солдат. Перед ним мужчина лет пятидесяти с рыжей бородкой, -- это хозяин дома. В его доме спят после ночной попойки генерал и еще несколько офицеров. Дрыхнут и даже выстрелов не слышат. Семашко спрашивает:

-- Не жалко, если немножко дом порушим?

-- А что жалеть-то, все равно голову снесут. А дом, буду жив, подштопаю.

Адъютант командира полка раскрывает ставню и в дом летит граната. Но никто не заметил, что наш заведующий делами штаба Ковалев Саша ринулся в дверь и распахнул ее. Перед ним стоял офицер с пистолетом в руке. Они одновременно выстрелили друг в друга.

В это время мы увидели, что по тракту, проходящему по селу, двигался немецкий обоз. Все наши ринулись туда, на ходу стреляя по ездovým. Ездové, побросав повозки, побежали к лесу. Кое-кто из наших уже завладел повозками. На одну из повозок забрался и я. Но вслед за обозом на приличном расстоянии подходила колонна немцев. Я решил свою пару тяжеловозов развернуть на нее, но повозка застряла в кювете, и сколько я ни мучался, не смог вытащить. Наши уже скрылись в лесу. Бросив повозку, бегу и я. Немцы открыли огонь, а я еще не достиг леса. Перебежками, временами ползком, все же догнал своих. И был зол как черт. Ведь в повозках наверняка было что-нибудь из продуктов. Одному из наших даже удалось прихватить пару караваев белого хлеба. А моя повозка была закрыта брезентом с кольцами и опоясана цепью.

Ковалева мы не досчитались. Оказывается, его офицер успел ранить в ногу, он упал и попал к немцам в плен. Из Ржева бежал, но по дороге обморозил ногу. Ему в нашем санбате ее отняли. Об этом он рассказал мне через несколько лет, уже работая прокурором в Ленинском районе Красноярска

В том бою мы уничтожили ни один десяток фрицев. А уничтоженных мною четырнадцать фрицев на выходе из окружения записали со слов Примоченко в мой наградной лист на медаль «За отвагу».

Еще из двух деревень мы таким же внезапным налетом выбили фрицев. И только уже пройдя горящий Ржев, через восемнадцать дней окружения, мы на подступах к Москве соединились со своими.

Майор Семашко, забрав у меня приказ о зарытых пушках, на прощание обнял и, подарив на память свои часы, отправился в штаб армии. Вместе с ним

ушел и мой земляк комиссар полка Пиляев. Нас передали на пополнение 220-ой стрелковой дивизии.

Погиб Семашко под Харьковом, а его память мне – часы, У меня вытащили из часового кармана брюк в трамвае в Москве, когда я возвращался с фронта.

Я, может быть, неправоммерно много места отвел нашему окружению. Но ведь это все было в сорок первом. А среди фронтовиков до сих пор можно услышать: «Кто в сорок первом не воевал, тот войну не видел». Это, конечно, неправильно, но доля истины есть. Ведь вся наша армия почти семь месяцев только отступала, с кровью и огромными потерями, отбивая атаки немцев. Это очень угнетало. Наступать, хотя и с потерями, веселее. Мы больше полугода бились подо Ржевом, потом под Оршей, затем под Смоленском. Но это были уже наступательные бои.

А как огрызались фрицы под Кенигсбергом! Ведь это была вторая после Берлина цитадель фашизма. И, наконец, под Прагой, где у немцев была последняя надежда зацепиться.

И везде мы теряли лучших боевых друзей. Не раз и мне оставалось «до смерти четыре шага». И был тяжело контужен. И девять дней без памяти лежал в санбате. А при эвакуации в тыловой госпиталь сбежал в свой полк.

На третьем году войны меня забрали в дивизионную газету. А материал для дивизионки можно было взять только в передовых траншеях пехоты. Писать о наступлении, только наступая вместе с пехотой или артиллерией, идя в их рядах. Сколько было таких ситуаций, после которых потом ломаешь голову, как удалось уцелеть! Неслучайно после войны я несколько лет не мог смотреть военные фильмы. Много лет мучили кошмарные сны о войне.

И все же не могу удержаться, чтобы не рассказать еще об одном военном эпизоде.

Форсировав с боем Неман и освободив Гродно, мы углубились в августовские леса. Это дремучая тайга с могучими соснами. А дивизион

капитана Фотанцева, вместе с которым ехали на фронт, вырвался и ушел далеко вперед. И связь с ним пропала. Ждали связи сутки. Наконец, появился тяжело раненый, но ходячий боец. Он и рассказал, где, примерно, находится дивизион. Объяснил, что у них кончились снаряды и почти все патроны. Четыре пушки (кажется, 122 мм), вынужденно бездействовали. Солдата немедленно отправили в санбат.

Я случайно оказался в штабе, когда командир полка ломал голову, советовался с начштаба, как выручить дивизион. Лес кишит немцами. И я, не задумываясь, предложил:

-- Доверьте это, товарищ подполковник, мне.

Он внимательно посмотрел на меня и только спросил:

-- А что Вам для этого надо?»

-- Пару лучших лошадей и надежного солдата.

-- Да берите кого хотите. Но Вы понимаете всю опасность этой операции?

-- А на войне все опасно! – отчеканил я.

Тут же отыскал ездового Бритченко, казавшегося мне самым боевым и находчивым, запрягли пару лошадей, на бричку погрузили бочку бензина и ящика два снарядов, проверили свое оружие – он карабин, я пистолет, и тронулись. Ничейную деревушку Калеты объехали по омывающей ее речушке, заросшей черемухой, смородиной и ивами. Углубились в лес, ориентируясь по карте и компасу. На первом же километре застряли с бричкой между деревьями. Проскочили. Дальше чуть не напоролась на два замаскированных немецких танка. Благо танкисты спали. Через два-три часа заметили вдали небольшой костер и людей возле него. Лошадей остановили, я пошел к костру пешком. Но еще издали понял, что это немцы. Потихоньку мы свернули в сторону. По карте напрямую до условного места дивизиона километров семь-восемь. А мы уже который час пробираемся по этой чащобе! Наконец, я понял, что с этими отворотами да поворотами сбился с ориентира.

Все чаще останавливаем лошадей и я ухожу вперед, в разведку. Ночь на исходе. Начинает светать. А я не знаю, днем будет лучше или хуже. Временами в лесу становится светлее дня. Это с немецких самолетов, плавающих над лесом, сбрасывают светящиеся парашютики. В такие минуты Бритченко мгновенно бочку с спины коней покрывает лопухами. «А вдруг в прогалину фрицы разглядят». Я уверен, что это пустая затея, но ездовому не мешаю. Только в полдень совершенно неожиданно встретили незнакомого лейтенанта. Он видел наши машины и пушки, подсказал нам направление, как он выразился, «более надежное», заодно указал места сомнительные. Я даже не спросил, откуда и куда он идет, поблагодарил, и мы тронулись дальше. Примерно через час были в дивизионе.

Там, конечно, воспряли духом. Ликовали. Готовился обед. В палатке командира дивизиона мне даже поднесли сто грамм. Закусили. Горючее разлили по машинам, снаряды раздали по расчетам. Мы с капитаном уселись рядом с шофером на передовую машину и четыре «студобеккера», с пустой бричкой Бритченко. Тронулись. Мои ночные скитания пригодились и здесь. Я ориентировочно запомнил, где стоят замаскированные танки немцев. При выезде капитан указал дистанцию между машинами и строго приказал: «Не отставать ни на шаг!». При подходе к предполагаемой стоянке танков, капитан приказал водителю нажать и он нажал. Благо и дорога тут не петляла. Не отставал и Бритченко. Нам вдогонку просвистел над головами один снаряд и опять все стихло. Видимо, не ожидали нашего появления с той стороны и не стреляли, чтобы не демаскировать себя. Ну а в полку нас заждались. Наш командир Волин даже признался, что «мы уже тебя похоронили». Командир полка, выслушав рапорт капитана, обнял меня и тут же приказал заведующему делами штаба «сейчас же оформить наградной лист на Красную звезду». Что вскоре я и получил еще в полку.

Как-то летом, там же на польской земле, мне передали приказ: явиться к заместителю начальника политического отдела дивизии подполковнику Кудрявцеву. Там же сидел низенький и довольно щупленький майор – редактор дивизионки А.Битюков. Кудрявцев сообщил мне, что редактор уже не раз просил в штабе дивизии откомандировать вас в распоряжение редакции. И вот приказ командира получен. Прошу приступить к работе по своей специальности. На следующий день я был уже в редакции.

В дивизионной газете меня встретили довольно тепло. После первой же моей статьи ответственный секретарь редакции капитан Ленский заявил редактору майору Битюкову: «Вот сразу видно, опытный журналист!». Они до этого уже дважды просили у начальника разрешения забрать меня. Он им обещал, а командир полка не отпускал, все оттягивал. В Августовских лесах погиб командир полка одновременно с начальником штаба и их сменили. Вот этим редакция и воспользовалась.

Я большую часть времени проводил в полках, особенно в стрелковых. Чаше старались до полков добираться вдвоем, а там расходились. Перед наступлением, обычно с вечера, пробирались в штаб батальона, там ночевали, чтобы побеседовать с солдатами, проводить их в атаку, потом на ночевке встретиться. А потом дожидаться подхода редакции или идти туда. Как заранее это предскажет редактор и как это совпадает с днем выхода газеты.

В этих походах тоже всякое бывало. Вот идем как-то с Гришей Голанд в полк. Надо было пересечь высотку, которая хорошо просматривалась противником. На ее вершине когда-то стоял дом по одну сторону дороги, а по другую хозяйственное строение. Мы уже увидели одну стену слева, другую справа. Только подошли к этим руинам, недалеко разорвался снаряд. Я к левой стене, Гриша к правой. Стоим, пережидаем. Решили: перекурим, потом пойдем дальше. Но так получилось, что у одного из нас были папиросы, а у другого спички. Вот и стоим, рядимся, кто к кому должен подойти. Полагаем, что

обстрел может продолжаться. Наконец, я бегом перебегаю дорогу, и мы закуриваем. Но не успели еще папиросы погасить, как моя стена от снаряда, разорвавшегося за ней, рухнула на дорогу. Стой я там, лежал бы сейчас трупом.

А во время наступлений, когда за пехотой, снаряды рвутся. Пули-то порою перелетают и далеко за пехоту. А сколько раз попадали под бомбежки! Лежишь не дышишь, и всех родных вспомнишь, думаешь, придется ли их увидеть. Как-то ехал на грузовой машине из штаба армии, налетел «мессер» и давай поливать из пулемета. Мы с шофером Гришиным лежим недалеко в кустах и решаем, что вот и придется теперь шагать пешком. На счастье машину изрешетило, а мотор не задело. Доехали.

Да разве все случаи такие перечислишь. У нас как-то в полевой бане (огромной палатке) сразу накрыло бомбой человек шестьдесят, а мы с редактором сидели в кустах, ждали, когда поменьше будет народа.

В Хайлигенбайле (Восточная Пруссия) я сидел, принимал радиogramмы для газеты. У дома вокруг костра грелись пленные немцы. Немцы сбросили на костер бомбу. Всех пленных и нашего патрульного убило. А у меня за спиной обвалился потолок, вынесло двери и разрушило лестницы. Я веревкой спустил приемник и сам спустился по веревке.

Пройдя всю Польшу, очистив Восточную Пруссию, нашу армию перебросили на ликвидацию пражской группировки. В Праге мы и закончили войну, это уже в середине мая. Затем месяца два стояли в Западной Силезии в городе Шенау. Оттуда я проводил до Вены Ленского и заместителя редактора Ефрема Потапова.

Находясь в редакции дивизионной газеты, я как-то очень скоро и крепко подружился с разведчиками. И куда бы ни шел, а к ним загляну хоть на минутку. Понравились они мне, тем более, среди разведчиков оказалось несколько моих земляков-красноярцев. Я почти всегда знал, когда они начинали готовиться к очередному «ночному поиску» за языком, а уж когда

возвращались, обязательно к ним заходил. Ночью они рисковали жизнью, возможно даже кого-то потеряли из товарищей. А днем они сидят у костра, хохочут, острят, вспоминают не трагические, а комические моменты из своего «ночного поиска», клянут «рыжего» фрица, который у Петра Бородина оторвал воротник телогрейки, когда он его брал во вражеской траншее. Рисковые и веселые ребята. И вот, когда мы перешли границу Восточной Пруссии, я решил написать о своих земляках-разведчиках очерк в «Красноярский рабочий». Его опубликовали да еще кто-то из артистов прочел его по радио. В общем прочли и прослушали многие красноярцы. Героем моего очерка, назывался он «В логове врага», был Петр Бородин, бывший слесарь со станции Енисей. Этот очерк и сейчас лежит в моей папке.

В нем я рассказал, как мои земляки-разведчики перешли прусскую границу, что увидели в первых проверках и как одна из наших частей освободила группу советских женщин и девушек, отправленных в Германию. И заканчивался этот очерк, примерно, такими словами «А сколько их еще томится там, в фашисткой неволе. Но верьте, мы придем и освободим вас, наши сестры, матери, невесты!» . Под очерком моя подпись и адрес: полевая почта. И вскоре в мой адрес хлынул поток писем из нашего края. Часть лично мне, другие с пометкой «передать Пете Бородину». Я перетаскал ему несколько пачек этих писем. Еще больше было у меня. Возить их с собой у меня, не было возможности, и отвечать всем я не мог. Но одно письмо запомнилось на всю жизнь. Писала женщина-мать с улицы Качинской из Красноярска. В пересказе содержание его такое: «у меня на фронте погиб муж и то ли три то ли четыре сына. Под старость я осталась одна. И если покалечит тебя война или после войны тебе некуда будет прислонить свою голову, приезжай ко мне. Всю свою материнскую любовь, какую я берегла для своих сыновей, я отдам тебе» и что-то в том же духе. Я страшно жалею, что письма ее не сохранил и адрес не

записал. А по моему очерку она видно решила, что у меня кто-то там у немцев, может мать, сестра или невеста...

*Пополнили, стали матерями
Тоненькие девушки страны.
Те, что проходили вместе с нами
Сквозь большой огонь Большой страны.*

*По щекам хлестали их метели,
Жгучий зной пронизывал насквозь.
Грубые походные шинели
Поносить красавицам пришлось.*

*Посмотрите ратной славы списки:
В них – среди погибших и живых
Санитары, снайперы, связистки,
Феи перекрестков фронтовых.*